



Иногда одно
неверное решение
меняет всё

Мы ошибались
боялись, теряли
друг друга...

...но всё равно
находили в себе силы
идти дальше

Всё МОГЛО БЫТЬ иначе

НАДЕЖДА ТЕРЕХИНА

Иногда молчание
— самый громкий
крик души.



УНИВЕРСИТЕТ



Надежда Терехина

Всё могло быть иначе

<https://litres.ru/74141058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третий курс должен был стать для Насти обычным продолжением студенческой жизни. Но один слух, одно предательство и случайно услышанная фраза меняют всё. Порой хватает неверного шага, недосказанности или страха, чтобы потерять самое дорогое.

Даже после тяжёлых испытаний остаётся шанс понять, простить и найти в себе силы идти дальше.

«Всё могло быть иначе» — эмоциональный роман о взрослении, доверии, любви и людях, которые ошибались, боялись, теряли себя, но всё равно находили силы идти дальше.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Надежда Терехина

Всё могло быть иначе

Глава 1

Октябрь выдался неожиданно холодным. Настя шла через университетский двор, придерживая папку с распечатанной курсовой. Ветер гонял по асфальту мокрые листья, забрасывая их под ноги прохожим. Студенты торопились к корпусам, прятали руки в карманы, кутались в шарфы и грелись кофе из бумажных стаканов.

До первой пары оставалось пятнадцать минут. Телефон завибрировал. Миша. Настя улыбнулась ещё до того, как открыла сообщение.

«Уже пришла?»

«Почти».

«Надо поговорить».

Она невольно усмехнулась. Это было очень по-мишиному. Написать что-то тревожное и потом заставить её гадать, что случилось. Настя убрала телефон в карман и поправила рыжие кудри, которые ветер снова бросил ей в лицо. Волосы жили собственной жизнью, путались, электризовались и совершенно не хотели укладываться нормально. Миша говорил, что именно из-за них заметил её ещё на первом

курсе. Сам он был полной противоположностью. Высокий, светловолосый, всегда уверенный в себе, всегда окружённый людьми. Иногда Насте казалось, что они вообще не должны были сойтись, но сошлись.

Она поднялась по ступенькам главного корпуса. Внутри пахло кофе, мокрыми куртками и чем-то сладким из буфета. Обычный университетский день. После пар нужно было отдать правки по курсовой, потом встретиться с Алисой. А вечером, если получится вытащить Мишу от его друзей, сходиться в кино. Ничего особенного. Такие дни обычно забываются первыми.

Настя уже направилась к лестнице, когда заметила странную вещь. Двое незнакомых студентов посмотрели на неё и тут же отвели глаза. Она не придала этому значения, поднялась на второй этаж. Возле аудитории стояла компания первокурсников. Одна девушка что-то быстро показала подруге в телефоне, обе посмотрели на Настю слишком внимательно. Потом начали о чём-то шептаться. Настя нахмурилась. Странно. Она автоматически проверила, не испачкала ли одежду. Нет, всё было в порядке. Телефон снова завибрировал. На этот раз Алиса.

«Ты где?»

«У аудитории».

Сообщение прочитали сразу. Ответ пришёл через несколько секунд.

«Уже пришла?»

«Да». Что случилось?»

«Потом».

Настя нахмурилась ещё сильнее. Это было совсем не похоже на Алису. Обычно та могла написать что угодно. Хоть десять сообщений подряд. Но не вот это короткое и странное «потом». Она уже собиралась позвонить подруге, когда услышала за спиной чей-то шёпот.

— Это она?

— Да вроде она.

— Жесть...

Настя резко обернулась, разговор тут же оборвался. Студенты сделали вид, что обсуждают что-то другое. По спине пробежал неприятный холодок. Впервые за всё утро ей стало не по себе. Она ещё не знала почему, но именно в этот момент начала чувствовать, что день идёт совсем не так, как должен.

Настя увидела Мишу ещё с лестницы. Даже издалека она узнала его среди студентов. Он стоял в тёмной куртке, которую носил уже второй сезон и категорически отказывался менять. Миша расположился возле окна рядом с аудиторией, не сидел в телефоне, не разговаривал с друзьями. Просто стоял и смотрел в пол. Настя невольно замедлила шаг что-то внутри неприятно сжалось. За всё время их отношений она успела выучить его настроение лучше собственных расписаний. Сейчас Миша выглядел так, будто всю ночь не спал. Она

подошла ближе.

— Привет.

Он поднял голову и не ответил. Просто посмотрел на неё. Обычно его серо-голубые глаза смеялись раньше, чем он сам успевал улыбнуться. Сегодня они были чужими. Настя почувствовала, как внутри становится холодно.

— Что случилось?

Миша молча разблокировал телефон. Несколько секунд что-то искал. Потом протянул экран ей.

— Это ты мне скажи.

Настя опустила взгляд. Сначала она не поняла, что именно видит, потом сердце ухнуло вниз. Фотография. Она стояла рядом с Олегом Николаевичем возле кафедры. Он что-то показывал ей в работе. Она наклонилась посмотреть. Обычный момент. Обычный, если бы не ракурс. Со стороны казалось, будто они стоят почти вплотную друг к другу. Будто между ними существует что-то большее, чем разговор о курсовой. Под фотографией тянулись десятки комментариев. Некоторые Настя успела прочитать, некоторые нет. И лучше бы не читала вообще.

— Миш...

— Только не начинай.

Голос у него был хриплый будто он уже несколько часов подряд спорил сам с собой.

— Это просто фото.

— Просто фото?

Он усмехнулся. Невесело. Зло.

— Ты серьёзно сейчас?

— Да.

— Весь университет обсуждает это.

— Может людям скучно?

— А мне тоже скучно?

Настя растерялась.

— При чём тут ты?

— При том, что я выгляжу полным идиотом.

Несколько студентов, проходивших мимо, замедлили шаг.

Настя сразу это заметила. Миша тоже, но сейчас ему было всё равно.

— Ты слишком много времени проводишь рядом с ним.

Настя недоверчиво моргнула.

— Что?

— Не делай вид, что не понимаешь.

— Он мой научный руководитель.

— Конечно.

— Ты сейчас серьёзно?

— А ты?

Она почувствовала, как начинает дрожать. Не от страха.

От несправедливости. От того, что приходится оправдываться за то, чего никогда не было.

— Ты правда думаешь, что я могу тебе изменить?

На секунду ей показалось, что сейчас всё закончится. Что он вздохнёт, обнимет её, скажет, что это бред. Что он про-

сто сорвался, но этого не произошло. Миша молчал слишком долго.

А потом тихо сказал:

— Я уже не знаю, что думать.

— Тогда поверь мне.

— Да хватит!

Его голос прозвучал так резко, что Настя вздрогнула. Несколько человек обернулись, но Мише было всё равно. Он провёл рукой по волосам и нервно усмехнулся.

— Просто хватит, Насть.

— Я говорю правду.

— А я, получается, идиот?

— Причём тут ты вообще?

— Причём тут я?!

— Да весь универ уже ржёт! Ты это понимаешь вообще?

Настя почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Я тут тоже вообще-то...

— Да никто бы про меня слова не сказал, если бы не эта фотка!

Он ткнул пальцем в экран телефона.

— Мне уже с утра человек десять написали.

— Ты же знаешь, что ничего не было.

— Не знаю!

Теперь он почти кричал. Настя смотрела на него и всё ещё не могла верить, что это происходит. Будто разговаривала не с тем человеком. Не с тем, который два дня назад обнимал

её возле общежития, не с тем, который говорил, что любит. С каким-то чужим, раздражённым, злым.

— Значит, вот так ты обо мне думаешь?

Миша отвёл взгляд на секунду, но потом снова посмотрел ей в глаза. И в этот раз в его взгляде уже не осталось сомнений. Только обида и злость.

— А как мне ещё думать?

Настя почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Понятно.

Миша сунул телефон в карман.

— Знаешь что?

Он сделал шаг назад.

— Не подходи ко мне больше.

— Миш...

— Серьёзно.

Он поднял руку.

— Не звони и не пиши.

Теперь его голос звучал холодно. Почти равнодушно.

— Всё. Хватит.

Он развернулся и пошёл к аудитории не оглядываясь. Словно она больше ничего не значила. Настя ещё несколько секунд стояла на месте. Потом медленно опустила взгляд на папку с курсовой. На белой бумаге остались влажные следы от пальцев. Только тогда она поняла, что всё это время плакала.

Когда Миша скрылся за дверью аудитории, Настя ещё

несколько секунд стояла в коридоре. Хотелось развернуться и уйти. В общежитие. Куда угодно, только не туда, но через минуту прозвенел звонок и пришлось войти.

В аудитории было шумно. Кто-то обсуждал выходные, кто-то листал ленту в телефоне, кто-то дописывал домашнее задание в последний момент. Только стоило Насте переступить порог, как разговоры начали стихать. Не сразу, постепенно. Словно кто-то медленно убавлял громкость. Она почувствовала это мгновенно. Подняла глаза. Несколько человек тут же отвели взгляд. Кто-то наоборот продолжал смотреть слишком внимательно.

Настя направилась к своему месту и только подойдя ближе, заметила, что оба соседних стула пустуют. Странно. Обычно там сидели Лена и Света. Они приходили раньше всех и всегда занимали места рядом. Сегодня пересели. Даже вещи уже лежали на другом ряду. Настя медленно опустилась на стул, сделала вид, что ничего не заметила, достала тетрадь, руки дрожали. Ручка выскользнула из пальцев и упала на пол, глухо стукнулась о плитку. Покатилась под соседнюю парту. Настя наклонилась её поднять и вдруг поймала себя на глупой мысли. Ещё неделю назад кто-нибудь обязательно поднял бы её раньше, сейчас никто даже не шелохнулся. Она выпрямилась и открыла тетрадь. Буквы расплывались перед глазами. Сосредоточиться не получалось. Она поймала своё отражение в тёмном экране телефона. Бледное

лицо, покрасневшие зелёные глаза. Странно. Она выглядела точно так же, как вчера, но почему-то казалось, что это уже другой человек.

Позади сидела Варя. За два года учёбы они ни разу толком не общались, но Настя знала её так же, как знают большинство одногруппников. Варя всегда была тихой. Невысокая, худенькая, с русыми волосами, собранными в аккуратный хвост. Она носила тонкие очки в металлической оправе и никогда не опаздывала на пары. Варя записывала всё. Абсолютно всё. Лекции, замечания преподавателей, ссылки на литературу. Студенты шутили, что если однажды университет сгорит, то восстановить программу обучения можно будет по её конспектам. Сама Варя на такие шутки обычно только поправляла очки и продолжала писать. Она редко участвовала в конфликтах, редко обсуждала кого-то за спиной. Поэтому, когда Настя почувствовала её взгляд, стало не по себе.

— Насть.

Голос прозвучал негромко, Настя обернулась.

— Что?

Варя немного помедлила словно действительно сомневалась, стоит ли начинать этот разговор. Но потом всё же спросила:

— Можно вопрос?

Несколько человек сразу наострили уши.

— Какой?

Варя поправила очки, посмотрела на неё внимательно.

— Это правда?

Настя устало закрыла глаза.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Несколько секунд Варя молчала. Потом кивнула.

— Понятно.

Настя уже хотела отвернуться, но следующая фраза догна-
ла её в спину.

— Просто странно получилось.

— Что именно?

— Ну...

Варя пожала плечами.

— Из всех преподавателей именно он.

Где-то справа тихо хихикнули. Кто-то кашлянул, пряча
смешок. Настя почувствовала, как внутри поднимается раз-
дражение.

— Он мой научный руководитель.

— Да я ничего и не говорю.

Варя сразу подняла ладони будто оправдываясь.

— Просто спросила. Не обижайся.

Она улыбнулась. Вежливо. Почти дружелюбно и верну-
лась к своему конспекту. Только вот разговор уже услышала
половина аудитории. И шёпот, который на несколько минут
затих, снова пополз между рядами. Настя смотрела в откры-

тую тетрадь. На чистый лист бумаги, на дату, которую автоматически написала в углу страницы. И вдруг поняла, что не может вспомнить ни одной темы, которую изучала весь прошлый месяц.

Через несколько минут в аудиторию вошла Ирина Александровна. Невысокая женщина лет тридцати пяти с идеально уложенными тёмными волосами и неизменными тонкими очками. Она всегда производила впечатление человека, который умеет держать дистанцию. Не строгая, не добрая, просто чужая. Такая, каких в университете большинство.

— Доброе утро.

Группа вяло поздоровалась. Ирина Александровна открыла ноутбук, разложила бумаги и привычно окинула аудиторию взглядом. На Насте её взгляд задержался чуть дольше. Совсем немного. На секунду, но этого хватило. Настя заметила и поняла, что преподаватель тоже всё видела. Конечно, видела. Наверное, уже весь университет всё увидел.

Лекция началась. На доске появились первые термины. Кто-то записывал, кто-то листал телефон под партой. Настя смотрела в тетрадь и не понимала ни слова. Буквы складывались в предложения, предложения в абзацы, но смысл ускользал. Через двадцать минут Ирина Александровна начала задавать вопросы группе.

— Анастасия.

Настя вздрогнула.

— Да?

— Ответьте, пожалуйста.

Обычно она любила отвечать, но сегодня в голове была пустота. Полная. Звенящая.

— Я...

В аудитории стало тихо. Кто-то уже улыбался, кто-то ждал.

— Простите, я не услышала вопрос.

С задних рядов раздался смешок, потом ещё один. Настя почувствовала, как краснеет.

Ирина Александровна некоторое время смотрела на неё. Потом сказала:

— Понятно.

До конца пары оставалось минут десять, когда телефон у кого-то на первом ряду коротко пискнул. В обычный день никто бы не обратил внимания, но сейчас половина аудитории почти одновременно посмотрела в одну сторону. Потом на Настю. Потом снова в телефон.

По рядам прокатилась волна тихих усмешек. Настя не знала, что именно они увидели и не хотела знать. Впервые в жизни ей было страшно открыть собственный телефон. Страшно узнать, что ещё успели придумать люди, которых не интересовала правда.

К концу второй пары голова начала гудеть. Настя почти ничего не записала. Страницы тетради так и остались пустыми. Когда прозвенел звонок, Настя ещё несколько секунд сидела на месте. Есть не хотелось. Вообще ничего не хотелось,

но с утра во рту не было ни крошки. Даже кофе она так и не выпила. Поэтому всё-таки заставила себя спуститься в столовую. Внутри было шумно, как всегда. Гремели подносы, работал телевизор в углу, пахло выпечкой и чем-то жареным.

Несколько минут Настя стояла в очереди, глядя перед собой. Почти спокойно. Пока не услышала знакомые слова.

— Это она?

— Где?

— Вон.

Настя почувствовала, как напряглись плечи. Не оборачиваться. Главное — не оборачиваться. Она уже знала, что увидит. Любопытство. Осуждение или всё сразу.

— Да ладно.

— Серьёзно говорю.

— Я думал, она старше.

Кто-то тихо рассмеялся. Настя сделала вид, что ничего не слышит. Очередь двигалась медленно. Перед ней стояли двое первокурсников. Они постоянно смотрели в телефоны, потом друг на друга, потом снова в телефоны. Один из них вдруг поднял взгляд на Настю.

Узнал и быстро что-то показал другу. Тот тоже обернулся. Настя отвернулась к витрине словно выбирала между булочкой и пирожком. На самом деле ей было всё равно.

— Что будете брать?

Голос женщины за раздачей заставил её вздрогнуть.

— Чай.

— И всё?

Настя кивнула. Женщина посмотрела на неё внимательно. Наверное, узнала или просто увидела заплаканные глаза. Трудно сказать, но в её взгляде не было насмешки. Только усталость.

— Держи, милая.

Настя тихо поблагодарила, расплатилась и взяла стакан. Свободных мест почти не осталось. Она заметила маленький столик возле окна и направилась туда, но едва успела сесть, как за соседним столом раздался громкий голос:

— Нет, ну если честно, я бы на её месте вообще сегодня не пришёл.

Смех.

— А что такого?

— Да ничего. Просто мне было бы стыдно.

Снова смех. Настя знала. Они говорят специально так, чтобы она услышала. Она смотрела на чай. На тонкую полоску пара над стаканом и вдруг поняла, что руки дрожат настолько сильно, что жидкость едва заметно колыхалась. В какой-то момент стало тяжело дышать. Шум столовой начал давить. Смех. Голоса. Звон посуды. Казалось, всё это происходит прямо возле её уха. Настя резко поднялась. Чай остался на столе почти нетронутым. И только выходя из столовой, она услышала ещё одну фразу.

— А мне её жалко.

— Меня бы тоже жалко было, если бы я так спалилась?

Смех прозвучал уже за её спиной. На этот раз она даже не обернулась.

До следующей пары оставалось почти пятнадцать минут. Настя быстро шла по коридору, стараясь ни на кого не смотреть. Голоса за спиной смешивались в один сплошной шум. Она уже не разбирала слов. Да и не хотела. Хотелось только одного — остаться одной хотя бы на несколько минут.

В женском туалете оказалось пусто. Настя зашла в самую дальнюю кабинку и закрылась. Наконец-то тишина. Она прислонилась лбом к холодной перегородке и закрыла глаза. За последние часы она так устала держаться, что теперь даже плакать не получалось. Было только ощущение тяжести будто внутри кто-то положил камень. Большой. Тяжёлый. И теперь с ним приходилось дышать. Телефон лежал в кармане, несколько раз он вибрировал. Настя даже не доставала его. Не хотела видеть сообщения, не хотела читать комментарии, не хотела знать, что ещё успели придумать люди.

Через несколько минут дверь туалета открылась. Послышались голоса. Настя замерла. Сначала она не собиралась прислушиваться, но потом услышала своё имя.

— Ты её видела сегодня?

Это была Варя. Её спокойный голос Настя узнала сразу.

— Видела, — ответила другая девушка.

— И как?

— Не знаю. Жалко вроде.

Варя негромко хмыкнула.

— Мне сначала тоже было жалко.

Повисла пауза.

— А потом?

— Потом я вспомнила, как она строила из себя святую.

Настя медленно сжала пальцы.

— Да ладно тебе.

— Что ладно?

В голосе Вари слышалось раздражение.

— Ей всегда всё доставалось слишком легко. Призовые места. Конференции. Любимая студентка преподавателей.

— Думаешь, поэтому?

— Не знаю.

Снова пауза.

— Но если честно, я бы не удивилась.

Настя почувствовала, как внутри что-то болезненно кольнуло. Вот оно. Не фото. Не слухи. Не комментарии. Зависть. Обычная человеческая зависть. Которая всё это время тихо сидела где-то рядом. Просто раньше она её не замечала.

— Ладно, пошли.

Голоса начали удаляться. Через минуту снова стало тихо. Настя ещё долго сидела неподвижно смотрела в закрытую дверь кабинки и вдруг поняла одну очень неприятную вещь. Большинство людей верили слухам не потому, что видели доказательства. Они верили потому, что хотели поверить. Потому что чужое падение всегда объясняет собствен-

ные неудачи намного проще, чем правда.

Последнюю пару Настя совсем не запомнила. Преподаватель что-то объяснял у доски, но всё это проходило мимо неё. словно между Настей и остальным миром поставили толстое стекло. Когда занятия закончились, она первой вышла из аудитории. Она знала только одного человека, с которым сейчас хотела поговорить. Алису. Если кто-то и должен был понять её, то именно она. Они познакомились ещё на первом курсе. Вместе таскали коробки при заселении в общежитие, вместе готовились к экзаменам, вместе ревели из-за первых провалов. Алиса знала про Настю всё. Именно поэтому сейчас Настя почти бежала по коридору общежития. Она даже не постучала. Просто открыла дверь.

— Алис...

Подруга сидела за столом. Перед ней стоял ноутбук, рядом лежали конспекты. Обычный вечер. Только сама Алиса выглядела какой-то напряжённой будто уже знала, зачем Настя пришла.

— Привет.

Настя остановилась посреди комнаты и вдруг почувствовала, как сильно устала. Сил на долгие объяснения не осталось.

— Ты же понимаешь, что это всё неправда?

Алиса медленно закрыла ноутбук, опустила взгляд. И почему-то именно в этот момент Насте стало страшно.

— Алиса?

Подруга тяжело вздохнула.

— Насть...

— Что?

— Я не знаю.

Настя даже не сразу поняла смысл ответа.

— В смысле не знаешь?

— В прямом.

— Ты серьёзно сейчас?

— Я не была рядом.

— Но ты знаешь меня!

Голос дрогнул. Алиса отвела глаза. Настя вдруг вспомнила, сколько раз сама защищала её.

Перед одноклассниками, перед преподавателями, перед бывшим парнем Алисы, перед всеми. А сейчас подруга даже не смотрела ей в лицо.

— Я просто не хочу в это лезть.

— Лезть?

Настя нервно усмехнулась.

— Я не прошу тебя воевать за меня. Я прошу сказать правду.

— Для тебя это правда.

— Для меня?

Теперь она уже смотрела на Алису так, словно видела впервые.

— Ты слышишь себя вообще?

— Насть...

— Нет, подожди.

Настя чувствовала, как внутри что-то окончательно ломается.

— Если бы на моём месте была ты, я бы сейчас сидела рядом и посылала к чёрту весь университет.

Алиса сжала губы.

— Я не хочу, чтобы меня тоже втянули в это.

Вот и всё. Наконец честно. Без оправданий. Без красивых слов.

Настя медленно кивнула.

— Понятно.

Она развернулась к двери.

— Насть...

Настя остановилась. Несколько секунд смотрела на ручку двери.

Потом тихо сказала:

— Знаешь, что самое обидное?

Алиса ничего не ответила.

— Я была уверена, что ты согласишься мне.

После этого она вышла. На этот раз Алиса не попыталась её остановить. Дверь закрылась и звук защёлки оказался громче всех сегодняшних насмешек.

До своей комнаты Настя дошла почти не помня дороги. Она закрыла дверь и достала телефон. На экране го-

рело больше сотни уведомлений. Сообщения, упоминания, незнакомые номера. Настя долго смотрела на экран. Потом открыла университетский чат и сразу пожалела. Фотография была везде. Её пересылали, обсуждали, комментировали. Под одним сообщением кто-то написал: «Всегда знал, что она не такая правильная, какой хочет казаться». Под другим: «Зато теперь понятно, откуда у неё такие оценки». Третий комментарий состоял всего из двух смеющихся смайликов. Настя закрыла чат. Открыла следующий, потом ещё один. Везде было одно и то же. Она отбросила телефон на кровать словно он обжигал руки.

Настя села на пол рядом с кроватью и обхватила колени руками. Ещё утром у неё был парень, лучшая подруга, нормальная жизнь, планы на выходные, курсовая, какие-то мелкие заботы. А теперь всё это казалось чужим. Ненастоящим. Словно происходило с кем-то другим. Она не заметила, в какой момент начала плакать. Без всхлипов. Без истерики. Слезы просто текли сами собой, капали на рукава свитера, на ладони, на пол.

Комната была маленькой и уставшей. Две узкие кровати, старый шкаф с перекошенной дверцей и стол, переживший, не одно поколение студентов. На подоконнике стояла кружка с засохшим кактусом, который давно отказался бороться за жизнь. Из щели в раме тянуло холодом, поэтому окно было заклеено полосками пожелтевшего скотча. На батарее сушились носки и зеленый свитер, пахло стиральным порошком,

дешёвым кофе и сыростью.

Настя подумала о том, что завтра придётся вернуться. Снова пройти через университетский двор, снова увидеть этих людей, снова слышать шёпот за спиной. От одной этой мысли стало страшно. По-настоящему страшно.

Когда за окном окончательно стемнело, Настя всё ещё сидела на полу возле кровати. В комнате не горел свет. Только экран телефона время от времени вспыхивал новыми уведомлениями. Она давно перестала их читать. Сначала пыталась, потом поняла, что смысла нет. Люди, которых она никогда не видела, писали ей гадости. Люди, с которыми она училась несколько лет, молчали. А те, кому она доверяла больше всего, просто исчезли.

Телефон снова завибрировал. Настя машинально посмотрела на экран. Мама. Она долго смотрела на фотографию контакта. Потом нажала «отклонить». Сейчас она не смогла бы объяснить ничего. Даже если бы захотела. Через несколько секунд пришло сообщение. «Как дела, солнышко?» Настя почувствовала, как к горлу снова подступает ком. Она быстро заблокировала экран. Нет, не сейчас. Если начнет разговор — окончательно расплачется.

Она поднялась с пола и подошла к окну, прислонилась лбом к холодному стеклу. И вдруг поймала себя на мысли, что не помнит ни одного хорошего события за сегодняшний день. Ни одного. С самого утра всё становилось только хуже. Словно кто-то методично отнимал у неё одну опору за дру-

гой. Сначала уважение, потом доверие, потом любовь, потом дружбу. Она закрыла глаза. В голове неожиданно всплыла странная мысль. Совсем простая, почти детская. А что, если завтра не идти? Вообще не выходить из комнаты. Не отвечать на звонки, не открывать сообщения, не видеть никого. Мысль была глупой. Она понимала это, но эта мысль принесла хоть какое-то облегчение.

Настя медленно вернулась к кровати и легла поверх покрывала. Не раздеваясь, не укрываясь. Просто легла и уставилась в потолок. Телефон снова завибрировал. Потом ещё раз и ещё. Она больше не смотрела. За окном шумел ветер. Где-то в коридоре смеялись люди, а Настя лежала неподвижно и думала только об одном. Как прожить завтрашний день. Потому что сегодняшний почти её сломал.

Глава 2

Утро началось раньше будильника. Телефон вибрировал где-то под подушкой. Сначала Настя пыталась не обращать внимания, но звук повторялся снова и снова. Наконец она открыла глаза.

За окном было ещё темно. Серое октябрьское утро только начинало просачиваться сквозь старые занавески. В комнате стоял холод. Батареи в общежитии уже включили, но работали они через раз. Настя натянула одеяло до подбородка и несколько секунд смотрела в потолок. Тишина. Когда-то эта тишина ей нравилась.

Ещё месяц назад она считала себя счастливницей. Комната в общежитии была рассчитана на двоих, но соседка Таня почти всё время жила у своего нового парня и появлялась от силы раз в месяц. Половина комнаты пустовала. Вторая кровать была аккуратно застелена, на столе лежала забытая кружка с выцветшими ромашками, а в шкафу висело несколько чужих курток. Раньше Настя любила возвращаться сюда после шумных пар, теперь пустота давила.

Телефон снова завибрировал. Настя вздрогнула и только тогда вспомнила вчерашний день.

Мишу, университет, фотография, шёпот за спиной. В груди сразу стало тяжело. Телефон не умолкал. Настя потянулась за ним и увидела десятки уведомлений. Сообщение

ния, упоминания, новые комментарии. Их было столько, что экран приходилось прокручивать. Она открыла университетский чат. Лучше бы не открывала. Фотография всё ещё была там. Только теперь под ней появились новые сообщения. «Уже весь экономический факультет знает.» «Скиньте ссылку на оригинал.» «Долго ещё будет строить из себя хорошую девочку?» «Да она ещё вчера по коридорам ходила как ни в чём не бывало.» Кто-то прикрепил мем. Кто-то поставил смеющиеся реакции, кто-то переслал фотографию в другие чаты.

Настя листала экран и чувствовала, как внутри становится холодно. Вчера ей казалось, что всё закончится за несколько часов. Сегодня стало ясно: всё только начинается. Она выключила телефон и положила его рядом. Несколько секунд сидела неподвижно, потом посмотрела на часы. Через полтора часа начинались пары. Мысль о том, что придётся снова идти в университет, вызвала почти физическую боль. Не идти тоже было страшно. Если не появится — начнут обсуждать ещё больше. Если придёт — будут смотреть. Настя закрыла глаза. Какой бы вариант она ни выбрала, легче не становилось.

Она всё-таки заставила себя подняться. Пол оказался ледяным. Настя поморщилась и натянула шерстяные носки. У зеркала в углу комнаты она остановилась ненадолго. Из отражения на неё смотрела уставшая девушка с покрасневшими глазами, под которыми появились тёмные круги. Рыжие

кудри спутались за ночь и торчали в разные стороны. Вчера она проплакала почти весь день и это было заметно.

— Красавица, — тихо пробормотала Настя.

Голос прозвучал чужим. Она отвернулась раньше, чем успела рассмотреть себя внимательнее. Через тридцать минут Настя уже шла по университетскому двору. Небо затянуло низкими свинцовыми тучами. Мелкий дождь то начинался, то прекращался. Ветер цеплялся за рукава куртки и путался в волосах. Людей вокруг было много. Настя невольно опустила взгляд. Хотелось дойти до корпуса незаметно, просто раствориться среди остальных студентов. Но полностью отгородиться от мира не получалось. Двое студентов, проходивших навстречу, замолчали, когда она поравнялась с ними. Один что-то шепнул другому. Оба обернулись. Настя ускорила шаг. Главный корпус показался впереди. Высокий, серый, знакомый до последней ступеньки. Ещё недавно он казался обычным университетом. Сейчас выглядел как место, куда её ведут на суд.

Она поднялась по лестнице и вошла внутрь. В холле пахло мокрыми куртками и дешёвым кофе из автомата. Студенты и преподаватели толпились возле турникетов.

На первом этаже возле стенда с объявлениями собралась небольшая группа студентов. Человек пять или шесть. Кто-то что-то фотографировал, кто-то смеялся. Настя не собиралась смотреть. Честно не собиралась, но потом услышала знакомые слова.

— Да говорю тебе, это она.

— Да ладно.

— Серьёзно.

Сердце неприятно кольнуло. Настя подняла голову и сразу увидела фотографию. Она висела среди объявлений о студенческой конференции, волонтёрском наборе и расписании спортивных секций. Обычный лист А4. Та самая проклятая фотография. Кто-то распечатал её на цветном принтере и аккуратно прикрепил кнопками к доске. Под снимком чёрным маркером было выведено всего два слова: «Гордость факультета».

Несколько человек тихо засмеялись. Настя почувствовала, как кровь ударила в лицо. На секунду ей показалось, что она сейчас задохнётся. В груди стало тесно. Она подошла ближе. Один из студентов отступил в сторону, уступая место с таким видом, будто пропускает главную героиню представления.

— Что, понравилось? — негромко спросил кто-то.

Послышался смешок. Настя резко сорвала листок. Кнопки со звоном посыпались на пол. Бумага смялась в её руках. Несколько человек достали телефоны, кто-то начал снимать. Кто-то наоборот сделал вид, что ничего не происходит. Настя бросила скомканный лист в ближайшую урну и быстро пошла к лестнице. Позади снова слышались голоса.

— Новую повесят.

— Сто процентов.

— Я бы вообще ламинировал.

— И в рамку.

Смех. Настя ускорила шаг. На втором этаже людей было ещё больше. Она почти добралась до своей аудитории, когда заметила знакомую фигуру возле окна. Алиса. Алиса выглядела так же, как всегда. Те же светлые волосы, собранные в высокий хвост. Та же джинсовая куртка с нашивкой на рукаве. Та же привычка болтать ногой, сидя на подоконнике. Будто ничего не изменилось. Перед ней стоял бумажный стаканчик с кофе, в руках телефон. На секунду внутри что-то дрогнуло. Настя сама не ожидала. После вчерашнего разговора она должна была злиться. Обижаться, перестать надеяться. Но надежда оказалась упрямой штукой, она всё ещё жила где-то внутри. Может быть, вчера Алиса просто растерялась, может быть, испугалась. Может быть, сегодня всё будет иначе.

Настя остановилась возле расписания и сделала вид, что изучает список аудиторий. На самом деле она просто собиралась с силами. Потому что вдруг поняла — ей страшно подходить к собственной подруге.

Алиса была не одна. Рядом стояли две девушки с параллельного потока. Настя знала их только в лицо. Они что-то обсуждали, показывая друг другу что-то в телефоне. Настя ещё немного постояла возле расписания. Потом всё-таки подошла.

— Привет.

Разговор сразу оборвался. Не резко, но заметно. Алиса подняла голову. Улыбка исчезла не сразу. Сначала она просто увидела Настю, потом вспомнила всё остальное.

— Привет.

Девушки рядом переглянулись. Одна из них быстро посмотрела в телефон, другая отвела взгляд. Настя сразу почувствовала себя лишней как человек, который по ошибке сел за чужой столик. Несколько секунд никто ничего не говорил.

— Как ты? — наконец спросила Алиса.

Вопрос прозвучал странно.

Настя невесело усмехнулась.

— Как думаешь?

Повисла неловкая тишина. Настя заметила, что Алиса постоянно смотрит по сторонам будто ждёт кого-то или боится чего-то. И от этого становилось только хуже.

— Ты видела, что происходит? — тихо спросила Настя.

Алиса кивнула.

— Видела.

— И?

Подруга тяжело вздохнула.

— Насть...

Настя уже поняла, что ничего хорошего дальше не услышит.

— Что?

Алиса покрутила в руках стаканчик с кофе.

— Сейчас очень много разговоров.

— И?

— Люди постоянно это обсуждают.

— Да.

Алиса подняла глаза. В её глазах было что-то похожее на сочувствие и одновременно страх.

— Может, тебе лучше на какое-то время уехать из города?

Настя даже растерялась.

— Уехать?

— Ну... переждать.

— Переждать что?

— Всё это.

Настя несколько секунд просто смотрела на неё. Потом тихо спросила:

— А если бы это случилось с тобой?

Алиса промолчала и именно это оказалось ответом. Настя вдруг поняла, что подруга уже мысленно стоит по другую сторону. Не среди тех, кто её травит, но и не рядом с ней. Где-то посередине в безопасном месте. Там, где не нужно выбирать. Там, где не приходится рисковать собственной репутацией. В этот момент из аудитории выглянул какой-то парень.

— Алиса, ты идёшь?

— Сейчас.

Она сразу повернулась на голос. Потом снова посмотрела на Настю.

— Мне пора.

Настя стояла ещё несколько секунд. Она смотрела на Алису и никак не могла совместить в голове два образа. Эту девушку. И ту, которая когда-то среди ночи сидела рядом с ней на полу общежития после первой заваленной сессии. Ту, которая плакала у неё на плече после расставания с парнем. Ту, которая называла её лучшей подругой.

— Ясно.

Настя кивнула сама себе, развернулась и пошла прочь. Она не слышала, что происходило позади, не знала, смотрела ли Алиса ей вслед, не знала, жалела ли о своих словах. Сейчас это уже не имело значения. Потому что внутри неожиданно появилось новое чувство. Не боль, не обида. Пустота. Будто кто-то аккуратно вытащил из неё ещё один кусок чего-то важного.

На улице моросил мелкий дождь. Тот самый осенний дождь, который почти не видно, пока не намокнут волосы и рукава куртки. Настя вышла на крыльцо университета во двор. Просто чтобы побыть одной. Воздух оказался ледяным. Она сунула руки в карманы свитера и медленно пошла по дорожке между корпусами. Мокрые листья липли к асфальту, ветер гонял их по земле. Вдалеке виднелось общежитие. Серое. Такое же усталое, как она сама.

Телефон завибрировал. Настя машинально достала его. Новое уведомление, потом ещё одно и ещё. Она уже соби-

ралась убрать телефон обратно, когда увидела знакомое название. Университетский анонимный канал. Тот самый, который читала половина студентов. Обычно там публиковали шутки, мемы, фотографии преподавателей и сплетни.

Сегодня главной темой была она. Настя сама не поняла, зачем открыла публикацию. Наверное потому, что человеку иногда необходимо убедиться в собственной катастрофе. Фотография была всё та же, но комментариев стало намного больше. Она пролистала вниз.

«Теперь понятно, почему у неё все зачёты автоматом». «А я ещё думал, она реально умная».

«Препог огонь, старалась не зря». «Третий курс, а карьеру уже строит». Сердце неприятно сжалось. Настя продолжала листать словно специально искала что-то ещё хуже и нашла.

Кто-то выложил её фотографию из социальных сетей. Обычное селфи. Летнее. С улыбкой.

Под ним уже шли десятки сообщений. «Скромница года». «Лицо человека, который спит за оценки». «Интересно, сколько преподавателей было до этого?»

Настя резко заблокировала экран. Пальцы дрожали настолько сильно, что телефон едва не выскользнул из рук. Она остановилась возле пустой скамейки. Села. Дождь постепенно усиливался. Мелкие капли оседали на волосах, на ресницах, на рукавах, но уходить не хотелось. Потому что рядом никого не было. Никто не смотрел, не шептался, не оценивал. Она подняла голову к серому небу. И вдруг поймала се-

бя на мысли, что больше всего ей хочется домой. Не в общезнание. Домой. Туда, где мама ставит чайник ещё до того, как спросит, как прошёл день. Где пахнет яблочным пирогом и стиральным порошком. Где никто не знает про фотографии, про слухи, про комментарии. Где она просто Настя, а не главная тема университетских сплетен.

Телефон снова завибрировал. На этот раз сообщение было от мамы. Всего одна строчка. «Как ты там, солнышко?» Настя долго смотрела на экран. Потом быстро набрала: «Всё хорошо. Просто много учёбы». И почти сразу отправила. Потому что, если бы задумалась ещё на несколько секунд — расплакалась бы прямо здесь.

Она медленно вернулась в университет и зашла в аудиторию. Каждый шаг давался тяжело. Словно ноги налились свинцом. Возле двери стояли трое парней с её потока. Когда Настя приблизилась, разговор мгновенно оборвался. Один из них демонстративно посмотрел на неё, потом на друзей. Потом усмехнулся. Негромко, но достаточно громко, чтобы она слышала.

— Опасная женщина.

Парни рассмеялись. Настя ничего не ответила только прошла мимо, села на своё место.

Преподаватель ещё не пришёл. Студенты переговаривались, шумели, листали телефоны. Именно поэтому Настя сначала не поняла, что происходит. Только через несколько секунд заметила. Кто-то фотографировал её с дальнего ряда

исподтишка. Щёлк. Телефон быстро опустился. Потом ещё один. С другой стороны аудитории. Настя резко отвернулась к окну.

Сердце заколотилось. Она вдруг почувствовала себя животным в клетке. Экспонатом. Не человеком. Событием. Чужим развлечением.

В аудиторию вошла Ирина Александровна. Разговоры стихли. Началась работа. Первые тридцать минут Настя даже смогла сосредоточиться. Писала, думала. Отвечала на вопросы преподавателя. Почти забыла обо всём происходящем. Почти. Пока преподаватель не начала проверять работы и не назвала её фамилию.

— Ломакина.

Настя поднялась. В аудитории сразу стало чуть тише. Она чувствовала это кожей пока шла между рядами, пока садилась напротив преподавателя, пока протягивала тетрадь. Ирина Александровна долго листала страницы тетради. Слишком долго. Настя начала нервничать. Наконец преподаватель закрыла тетрадь.

— Интересно.

Настя сглотнула.

— Что-то не так?

Ирина Александровна подняла взгляд.

— Скажите, Анастасия, вы действительно сами выполняли эту работу?

В аудитории стало совсем тихо. Настя даже слышала, как

кто-то перестал стучать ручкой по парте.

— Конечно сама.

— Правда?

Настя нахмурилась.

— Да.

Преподаватель снова открыла тетрадь.

— Странно.

— Почему?

— Потому что обычно ваши ответы несколько слабее.

Одногруппники переглянулись, кто-то усмехнулся. Настя почувствовала, как внутри всё начинает холодеть.

— Я готовилась.

— Вижу.

Ирина Александровна постучала пальцем по странице.

— Даже слишком хорошо подготовились.

По аудитории пробежал лёгкий смешок. Настя почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Я не понимаю.

— Зато я понимаю.

Преподаватель подняла голову.

Ярцева.

Варя вздрогнула.

— Подойдите.

Та подошла неохотно. Села рядом. Настя смотрела на неё и вдруг поймала себя на странной мысли. Варя выглядит виноватой. Будто заранее знает, что сейчас произойдёт.

— Покажите свою работу.

Варя протянула тетрадь. Несколько минут Ирина Александровна молча сравнивала страницы. Потом кивнула словно получила подтверждение собственным мыслям.

— Очень похоже.

Варя нервно поправила очки.

— Возможно...

— Возможно?

— Мне показалось, что Настя несколько раз смотрела в мою сторону.

Настя даже не сразу поверила услышанному.

— Что?

Варя опустила глаза.

— Я не уверена.

— Но ты только что сказала...

— Я сказала, что мне показалось.

— Варя.

Настя смотрела на неё почти с ужасом.

— Ты же знаешь, что это неправда.

Варя вздохнула устало. Почти раздражённо.

— Настя, хватит!

— Что хватит?

— Хватит делать вид, будто все вокруг против тебя просто так.

Эта фраза ударила сильнее обвинения потому что прозвучала искренне. Будто Варя действительно в это верила.

В аудитории снова послышались шёпоты. Теперь уже никто особенно не скрывался. И Настя вдруг поняла: они ждут. Ждут, чем всё закончится.

Как сериал, как шоу. И никто не собирается вставать на её сторону. Никто.

— Пожалуйста... — голос Насти дрогнул. — Я правда всё делала сама.

Ирина Александровна отложила ручку. Несколько секунд смотрела на неё поверх очков.

— Анастасия, вы действительно хотите сейчас продолжать этот разговор?

— Потому что это неправда!

— Правда или неправда, я вижу перед собой две практически одинаковые работы.

С задних рядов кто-то негромко прыснул. Настя почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Я ничего не списывала. Всё отвечала по методичке.

— По методичке отвечала вся группа.

Ирина Александровна закрыла тетрадь.

— Но почему-то именно у вас работа практически слово в слово совпадает с работой Ярцевой.

— Потому что у нас одинаковый вариант.

Настя почувствовала, как внутри всё начинает дрожать.

— А я должна сделать вид, что поверила?

Теперь преподаватель уже смотрела на неё с раздражением.

— За эту работу я ставлю неудовлетворительно.

У Насти перехватило дыхание.

— Что?!

— Неудовлетворительно!

Ирина Александровна уже открывала следующую тетрадь словно вопрос был закрыт.

— Но это несправедливо.

— Возможно.

Ирина Александровна пожала плечами.

— Зато в следующий раз будете осторожнее.

— Осторожнее в чём?

— В том, чтобы списывать не так заметно.

— Я этого не делала!

— Тогда на пересдаче у вас будет прекрасная возможность это доказать.

С задних рядов донёсся шёпот:

— Пусть ещё научрук поможет.

Кто-то засмеялся, потом ещё кто-то. И смех начал расползаться по аудитории. Настя посмотрела на Варю. Та сидела, уткнувшись в тетрадь будто происходящее её совершенно не касалось. И именно это оказалось последней каплей. Настя резко поднялась, схватила рюкзак. Тетрадь соскользнула со стола и упала на пол.

— Ломакина!

Голос Ирины Александровны прозвучал уже жёстче.

— Пара ещё не закончена!

Но Настя уже шла к двери.

— Анастасия!

Она не остановилась. Распахнула дверь и вышла в коридор. За спиной кто-то свистнул, кто-то засмеялся.

— Отлично выступила.

— На пересдаче увидимся.

— Если раньше не отчислят.

Дверь захлопнулась и только тогда Настя поняла, что снова плачет.

Общежитие встретило её привычной тишиной. На улице уже стемнело. Ветер бросал в окно редкие капли дождя. Старые рамы едва заметно подрагивали, будто кто-то осторожно стучал снаружи. Настя поднялась на свой этаж. В коридоре пахло стиральным порошком, лапшой быстрого приготовления и чем-то сладким. За одной из дверей негромко играла музыка, кто-то смеялся.

Она дошла до своей комнаты и несколько секунд просто стояла перед дверью. Потом открыла. Внутри было темно. Настя не стала включать свет. Закрыла дверь, бросила рюкзак на пол и медленно опустилась на край кровати. Раньше Настя радовалась возможности побыть одной. Сегодня одиночество выглядело совсем иначе. Телефон завибрировал. Потом ещё раз и ещё. Настя достала его из кармана. Двадцать три новых уведомления. Она несколько секунд смотрела на экран, потом заблокировала его и положила рядом. Сил чи-

тать больше не осталось. За последние два дня она узнала о себе столько нового, сколько не узнала бы за всю жизнь. Что она карьеристка, лицемерка, предательница, шлюха, лгунья.

Оказывается, у каждого человека вокруг давно было готово мнение о ней. Нужно было лишь найти повод его озвучить.

Настя легла поверх покрывала не переодеваясь. Просто легла и закрыла глаза. В груди стало тяжело. Она повернулась на бок и уставилась на стену. Телефон снова завибрировал. Настя даже не посмотрела. Через минуту ещё раз, потом ещё. Наконец она просто выключила звук и перевернула его экраном вниз. В комнате стало совсем тихо только дождь шуршал за окном. Настя смотрела в темноту и думала о завтрашнем дне. О длинных коридорах университета, о взглядах, о шёпоте за спиной, о том, что придётся снова туда идти. Снова делать вид, что всё нормально, снова выдерживать чужие усмешки. От одной этой мысли хотелось спрятаться под одеяло и больше никогда не выходить из комнаты, но выбора не было. Она медленно натянула на себя плед и закрыла глаза. Сон не приходил. За окном продолжал шуметь дождь, жизнь шла своим чередом будто с ней ничего не случилось. Будто она не потеряла за два дня почти всё, что считала важным. И именно эта мысль почему-то оказалась самой страшной. Потому что её мир рухнул, а мир вокруг этого даже не заметил.

Глава 3

На следующий день Настя проснулась от того, что комната казалась слишком тихой.

Тишина была не обычной — не домашней, не утренней, а какой-то угрожающей, плотной, почти липкой. Будто мир ненадолго дал ей возможность почувствовать каждую трещину внутри себя.

Она лежала, глядя в потолок. И вдруг ей стало страшно: именно такой пустой она чувствовала свою душу сейчас.

«Когда это случилось?

Когда я перестала быть собой?»

Ответа не было. И она вздохнула и закрыла глаза. но вставать всё равно пришлось. Сегодня был семинар, а на семинаре... должен был быть Миша.

Мысль об этом кольнула сердце так остро, что Настя на секунду согнулась пополам.

«Нет... Не хочу видеть его таким.

Не хочу — его глаза.

Не хочу — его молчание».

Но избежать встречи она не могла.

По дороге в университет она заметила, как её походка изменилась.

Прежде она ходила уверенно, быстро, с лёгкостью — рыжие волосы подпрыгивали за спиной, шарф развевался, а

шаги были такими живыми, что иногда прохожие невольно улыбались в ответ. Сейчас её шаг стал тише. Осторожнее. Будто она боялась наступить на невидимую трещину и провалиться. Прохожие не улыбались. Кто-то смотрел слишком долго. Кто-то — слишком холодно. Она почти физически ощущала, как мир вокруг постепенно становится более каменным, более чужим.

У дверей университета Настя остановилась. Сделала вдох. Пальцы дрожали — от холода или от страха, уже невозможно было понять. Шагнула внутрь. Холл был заполнен гулом голосов.

— Смотри, опять пришла.

— Нашла в себе силы, надо же.

— А я думал, спрячется.

— Да она наглая просто.

Настя сжала зубы и прошла мимо. С каждым шагом ей казалось, что воздух становится тяжелее. Будто невидимая рука давит ей на плечи, заставляя нагибаться всё ниже. В коридоре перед поворотом она услышала знакомый голос. Холодный. Жёсткий. Когда-то — родной.

— Да ладно, Миш, ты серьёзно? Ты правда думаешь, что она... — голос парня был наполовину удивлён, наполовину насмешлив.

И ответ Миши — короткий, обрубленный.

— Я не думаю. Я знаю.

Она замерла. Внутри будто что-то надорвалось. Ей хоте-

лось бежать. Спрятаться. Раствориться, но ноги сами вынесли её на поворот.

Миша стоял, опершись о стену. Кофе в руке. Капюшон накинута почти до глаз. Он выглядел так, как будто спал плохо — тени под глазами, напряжённая линия губ.

Всё это делало его жёстким. Тем, кем он стал после их последнего разговора. Он увидел её. На секунду — ровно на одну — в его глазах мелькнула боль. Настоящая. Глубокая, но эта секунда исчезла, как вспышка. Её заменило ледяное равнодушие.

— Миш, можно поговорить?

Он невесело усмехнулся.

— Нет.

— Пожалуйста.

— Я сказал нет.

Она почувствовала, как внутри поднимается отчаяние.

— Ты даже не выслушал меня.

— А что мне слушать?

Теперь он уже смотрел прямо ей в глаза. Жёстко. С вызовом.

— Что это всё неправда?

— Потому что это неправда!

— Хватит!

Последнее слово ударило как пощёчина. Настя вздрогнула. Миша провёл ладонью по лицу и зло рассмеялся.

— Знаешь, что меня больше всего бесит? Не то, что про-

изошло. А то, что ты до сих пор пытаешься сделать из меня дурака.

— Я не...

— Да что не?!

Он шагнул вперёд.

— Половина универа уже ржёт надо мной. Ты это понимаешь вообще? Или тебе настолько плевать?

Настя почувствовала, как глаза наполняются слезами.

— Мне не плевать...

— Конечно.

Он отвернулся будто видеть её больше не мог.

— Просто отстань от меня, Насть и хватит делать вид, будто между нами ещё есть что-то общее.

Тихо сказал он.

Настя застыла, а потом медленно кивнула, развернулась и пошла прочь. И в этот момент она поняла, что потеряла его навсегда. Она прошла мимо, почти не чувствуя ног. Мир плыл.

Настя дошла до аудитории и опустилась на своё место.

Руки дрожали так сильно, что ручка звякнула о стол. Послышались смешки. Она закрыла глаза и попыталась дышать ровно.

«Ты сильная.

Ты справишься.

Ты не виновата».

Но даже собственный внутренний голос звучал всё слабее.

Когда началась пара, Настя почти не слышала Олега Николаевича. Голос доходил до неё как будто через стекло. Олег Николаевич выглядел так же строго, так же уверенно, так же непоколебимо, как всегда. Но когда она случайно подняла глаза, их взгляды пересеклись. И в этом взгляде не было ни тени осуждения. Только внимательность и настороженность. Он смотрел на неё чуть дольше, чем позволительно преподавателю. Может, долю секунды. Она отвела взгляд первой.

После пары студенты выходили медленно. Словно нарочно создавая вокруг неё плотную, давящую толпу. Но она не могла встать, ноги онемели. Её страх перед толпой стал физическим.

И именно в этот момент...

— Анастасия.

Она вздрогнула, резко подняла голову. Олег Николаевич стоял рядом. Не слишком близко, но ближе, чем обычно. Он смотрел на неё. На её дрожащие пальцы, её побелевшие губы и пустоту в глазах.

— Вам нужно в деканат, — сказал он ровно. — Вас вызывают.

Настю качнуло.

Слово деканат стало ударом.

— Сейчас...? — прошептала она.

— Да.

— А... вы знаете, почему?

Он замолчал на секунду. Секунду, в которой она успела

услышать собственное сердце.

— Полагаю, это связано с той ситуацией, — произнёс он осторожно. — Я буду неподалёку. Если понадобится помощь — не тяните. Его голос стал глубже. Мягче. Почти тёплым.

Она кивнула и пошла.

Коридор вёл к деканату как коридор к казни. Длинный, гулкий. Каждый шаг отдавался эхом, будто стены смеялись над ней. Настя шла медленно, сжимая ремень сумки так сильно, что побелели пальцы. Она ощущала, как внутри поднимается паника — медленно, вязко, как вода, которая поднимается выше, выше, не давая дышать.

У деканата, опершись спиной о стену, стоял Гриша — лучший друг Миши. Он что-то смотрел в телефоне, но увидев Настю, усмехнулся и убрал его в карман.

— О, а вот и главная звезда университета.

Настя ничего не ответила. Она попыталась пройти мимо.

— Серьёзно идёшь?

Она остановилась.

— Меня вызвали.

— Ага.

Он кивнул.

— Логично. После такого обычно и вызывают.

Настя почувствовала неприятный холод в животе.

— После какого «такого»?

— Не прикидывайся.

Гриша скривился.

— Ты прекрасно понимаешь.

Он сделал шаг ближе.

— Хотя знаешь... меня даже не это бесит.

Настя молчала.

— Меня бесит, что Миха из-за тебя как призрак ходит.

Сидит, почти не жрёт, почти не спит, а ты всё ещё тут. Как будто ничего не произошло.

— Я ничего ему не сделала.

— Да что ты?

Гриша коротко рассмеялся. Без веселья.

— Слушай, вот это враньё оставь для кого-нибудь другого. Не для меня.

Настя почувствовала, как начинает дрожать.

— Ты же меня знаешь.

— Нет.

Он перебил её резко.

— Оказывается, я вообще не знаю и Миха не знает. Никто не знает.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Хотя нет. Теперь знаем.

Гриша наклонил голову набок.

— А знаешь, что самое смешное?

Настя хотела уйти, но ноги будто приросли к полу.

— Ну?

— Ты до сих пор думаешь, что всё можно исправить.

Его губы растянулись в неприятной усмешке.

— Не получится. Миха к тебе не вернётся. Люди не забудут, преподы не забудут. Ты сама всё угробила.

Он посмотрел на дверь деканата. Потом снова на Настю.

— Хотя... Может, хоть там наконец примут правильное решение.

Настя почувствовала, как внутри поднимается паника. Резко как волна. Воздуха стало не хватать. Коридор вдруг показался слишком узким, слишком душным.

— Отстань от меня.

— А я тебя не держу.

Он развёл руками.

— Иди. Че стоишь? Тебя же ждут.

Настя смотрела на дверь деканата. На ручку. На табличку, но сделать шаг так и не смогла.

А потом просто развернулась и быстро пошла прочь.

— Беги, — бросил ей вслед Гриша.

Она не обернулась.

— Беги! У тебя это хорошо получается!

Настя быстро шла к выходу по коридору, почти не слыша собственных шагов. Люди вокруг казались размытыми — будто стояли за полупрозрачным стеклом. Будто их голоса, улыбки, движения доносились из чужой жизни, к которой она больше не принадлежала.

Но в воздухе витало что-то ещё. Что-то тяжелое, противное. Настя почувствовала озноб, как только увидела её. Лидию. Еще достаточно молодую преподавательницу зарубеж-

ной литературы, подружку Олега Николаевича.

Лидия была одной из тех женщин, которые всегда знают своё место в социальном мире.

И это место — наверху. Она умела смотреть на студентов так, что они начинали чувствовать себя хуже. Умела улыбаться так, что улыбка казалась ядом. И говорить так, что каждое слово попадало точно в цель.

Именно Лидия первой распространила слух о том, что Настя «спит с преподавателем».

Она — та, кто сделала это несчастное фото, приукрасила, подписала, раскидала по чатам.

Она же — та, кто стоял в центре всех разговоров. Но никто не знал одного. Лидия ненавидела Настю давно. Ещё до скандала. Ещё до того дня, когда фото появилось в сети. Настя узнала о своей роли в чьей-то чужой истории слишком поздно.

Лидия стояла в холле, окруженная другими преподавателями.

Они что-то обсуждали, смеялись, но как только Настя приблизилась — разговор оборвался. Лидия повернула голову.

Её глаза — карие, хищные медленно, лениво скользнули по Насте сверху вниз. Улыбка тронула её губы.

— Ну надо же. Она пришла, — произнесла она громко, так, чтобы все слышали. — Я думала, совести хватит скрываться подольше.

Настя прикусила губу.

«Ответить?

Промолчать?

Пройти мимо?»

Она выбрала третий вариант, но стоило ей сделать шаг,

Лидия тоже шагнула вперёд — перекрывая путь.

— Куда? — тихо спросила она.

Тихо — но так, что по позвоночнику пробежал холод.

Настя на секунду задержалась, но потом прошла мимо.

Лидия лёгким движением задела её плечо. Не сильно — но довольно, чтобы это было унижением.

— Слышала, тебя в деканате мурыжили? — бросила она в спину. — Жаль, что не отчислили сразу. Мы бы тут все без тебя вздохнули свободнее.

«Мы». Слово прозвучало как толчок.

Настя остановилась, повернулась. И впервые за всё время посмотрела на Лидию прямо.

— Что вам от меня надо? — спросила она тихо. Голос дрогнул, но не сломался.

Лидия посмотрела на неё несколько секунд. Потом вдруг коротко рассмеялась.

— Господи... Да кому ты нужна?

Настя замерла.

— Что?

— Ты меня услышала.

Лидия сложила руки на груди.

— Я вообще не понимаю, почему тебя до сих пор здесь держат после всего этого цирка.

— Я ничего не сделала...

— Конечно.

Лидия закатила глаза.

— И все вокруг просто решили тебя оклеветать. Очень удобно.

Настя почувствовала, как начинает дрожать.

— Почему вы так меня ненавидите?

На секунду лицо Лидии стало жёстким. Очень жёстким.

— Ненавижу? Нет, Настя. Было бы за что. Просто ты уже достала всех.

Она сделала шаг ближе.

— Ты хоть понимаешь, как все от тебя устали? Каждый день одно и то же. Слезы, скандалы, драмы. Уже весь университет вокруг тебя крутится будто других проблем нет.

Настя почувствовала, как внутри всё обрывается. Страх стал почти физическим. Она сделала шаг назад.

— Лидия Викторовна, хватит...

— Нет, — перебила та. — Хватит будет тогда, когда ты уйдёшь. Из универа. Из города. Навсегда.

Настя резко втянула воздух.

А Лидия, наслаждаясь её реакцией, добавила:

— Тебе осталось недолго.

Лидия ушла, цокая каблуками по плитке. Настя осталась стоять посреди холла. Она смотрела вслед Лидии несколь-

ко секунд, потом медленно выдохнула. Она прислонилась плечом к стене и закрыла глаза. Перед глазами всплыли последние дни, сообщения, коридоры, шёпот за спиной, Миша, Алиса, неуд по политологии, деканат. Словно кто-то взял её обычную жизнь и методично ломал по кускам. Один за другим.

Настя вдруг поймала себя на странной мысли. Она больше не ждала справедливости. Не ждала, что кто-то разберётся, не ждала, что кто-то скажет: «произошла ошибка». Хотелось только одного. Чтобы её хотя бы ненадолго оставили в покое.

— Анастасия.

Она вздрогнула. Олег Николаевич стоял в дверном проёме. Настя даже не заметила, когда он появился.

— Что сказали в деканате?

— Я... не дошла.

Он нахмурился.

— Не дошли?

Она кивнула.

Несколько секунд он молчал. Взгляд скользнул по её лицу, по покрасневшим глазам, по дрожащим пальцам, по следам слёз, которые она так и не смогла полностью скрыть.

— Понятно.

Настя опустила голову. Почему-то именно сейчас стало особенно стыдно будто он видел её насквозь.

— Вас кто-то остановил?

Вопрос прозвучал спокойно. Настя замерла, не найдя что

ответить. Олег Николаевич медленно выдохнул через нос. На скулах заходили желваки. Он явно был зол, но не на неё.

— Ладно.

После короткой паузы добавил:

— Тогда с деканатом я разберусь сам.

— Не надо...

— Надо.

Сказано было негромко, но спорить почему-то сразу расхотелось. Он посмотрел на неё ещё несколько секунд. Слишком внимательно будто пытался понять, сколько ещё она сможет выдержать.

— А сейчас идите домой.

— У меня ещё пары...

— Анастасия.

Она подняла глаза.

— Идите домой.

— Хорошо, — Настя кивнула. Повернулась. Сделала шаг... И почувствовала, что он смотрит ей в спину.

Общага дышала чужой жизнью — громкой, грязной, липкой. Запах лапши, дешевых сигарет и влажных полотенец висел в коридоре, как постоянная дымка. Настя шла по коридору в свою комнату как тень. Голова опущена. Капюшон натянут. Шаги тихие, будто она боялась лишним движением привлечь внимание. Но внимание — уже шло к ней само.

— О-о-о, профессорская подстилка вернулась.

Кто-то засмеялся.

— Осторожнее. А то ещё двойку поставят.

Снова смех.

Настя ускорила шаг, но в плечо уже прилетела грязная тряпка для пола.

— Эй, Настя!

— Сколько стоит зачёт автоматом?

— А консультация входит в стоимость?

Она сжала зубы. До двери оставалось метров пятьдесят. Из комнаты напротив выглянул Гриша. Высокий, широкоплечий, в растянутой футболке и спортивных штанах. На его лице застыла привычная самодовольная усмешка.

— Ребят, не приставайте. У неё и так тяжёлый рабочий график.

Коридор взорвался хохотом. И именно в этот момент открылся лифт, половина людей невольно обернулась. Настя замерла. По коридору шёл Тима. Невысокий. Даже ниже большинства парней на курсе. Худощавый. С рюкзаком за спиной и растрёпанными тёмными волосами, которые торчали во все стороны так, будто он воевал с подушкой и проиграл. На нём была старая серая толстовка с выцветшей надписью и потёртая джинсовая куртка поверх. Выглядел он так, словно последние два дня провёл в автобусах, электричках и на вокзалах. Что, в общем-то, было недалеко от правды. Тима сделал ещё несколько шагов. Увидел Настю, остановился. Он посмотрел на её опухшие глаза, на бледное лицо, на ссу-

туленные плечи. Потом медленно перевёл взгляд на остальных.

— Так. Я правильно понимаю, что за неделю, пока меня не было, вы решили коллективно сойти с ума?

Кто-то нервно усмехнулся.

— Не лезь, Тим.

— Да я не лезу.

Он пожал плечами.

— Я пытаюсь понять логику. Пока безуспешно.

Тима поставил рюкзак на пол и обвёл взглядом коридор.

— Вас тут человек десять. Она одна, и вы всей толпой её прессуете. Я ничего не упустил?

— А тебе какое дело?

Гриша оттолкнулся от стены.

Тима посмотрел на него. Спокойно, даже с любопытством.

— Гриш.

— Че?

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

— Понял.

Тима кивнул.

— Значит, я всё правильно увидел. Действительно коллективное помешательство.

Кто-то фыркнул, кто-то отвёл взгляд. А Тима вдруг улыбнулся. Своей обычной улыбкой. Лёгкой, почти беззаботной. Только глаза оставались холодными.

— Ладно. Тогда объясню проще. Если кому-то очень скучно и хочется самоутвердиться — найдите себе другое занятие. Вышивайте крестиком, собирайте пазлы, учитесь готовить. Но от Насти отстаньте.

— А то что?

— А то мне придётся с вами общаться.

Улыбка стала шире.

— А я человек неприятный. Особенно когда не выспался.

По коридору пробежал смешок, но уже не тот. Не уверенный. Не злой. Тима посмотрел на Гришу.

— И да. Если я ещё раз увижу, как кто-то кидает в неё что-нибудь или устраивает вот этот цирк...

Он слегка наклонил голову.

— Мы поссоримся.

Гриша хмыкнул.

— Напугал.

— Нет.

Тима пожал плечами.

— Просто предупредил. Всё. Шоу закончено. Разошлись. Живите дальше своей скучной жизнью.

И — невероятно — толпа реально стала расходиться. Кто-то ушёл. Кто-то резко свернул в комнату. Кто-то сделал вид, что вообще проходил мимо. А Гриша лишь хмыкнул и бросил, уходя:

— Запомни, герой: ты не вечный.

Тима не обернулся. Он стоял, пока коридор не опустел

наполовину. Пока шум не стих.

Пока в воздухе не остался только запах пыли.

Лишь тогда он сказал:

— Насть, я здесь. Я никуда больше не уеду.

Настя сидела на подоконнике, завернувшись в старый плед. За окном моросил дождь. Капли медленно ползли по стеклу, превращая огни города в размытые пятна. В комнате было темно, она даже не включала свет. Стук в дверь раздался неожиданно. Тихий, осторожный.

Настя не ответила. Стук повторился. Потом послышался знакомый голос:

— Если ты сейчас не откроешь, я начну петь.

Настя прикрыла глаза. Только не это.

— И предупреждаю сразу, у меня нет слуха.

После короткой паузы дверь осторожно приоткрылась. Тима заглянул внутрь.

— Отлично! Жива!

Он вошёл и поставил на стол пакет из ближайшего магазина. Настя посмотрела на него усталым взглядом.

— Что это?

— Еда.

— Я не хочу есть.

— Я тоже не хотел покупать её на последние деньги. Так что мы оба сегодня страдаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.